

У Лёньки Лиса на загорелом запястье – фенечка – тонкий красно-зелёный браслет из ниток. Лёнька закусывает размахившийся длинный хвостик, тянет за вторую верёвочку с кисточкой на конце – завязывает покрепче узелок. Чередуются неровные полосы, плотней охватывают руку. Теперь не свалится.

– Ты хиппи что ли? – скалится рядом глазастый Яшка. Но Лис молчит, прячет корявые полосы фенечки под болотно-пятнистым обшлагом полевой формы.

Жаркий рыжий август. По обе стороны песчаной дороги стоят ровные шершаво-шафрановые сосны. От их верхушек сочится вниз свежий и острый, как хвойная иголка, воздух. На черничнике – солнце, салативо-жёлтые, горячие просветы. Хоть и вечер, а парит, может, к ночи с

водохранилища грозу принесёт... От автобусной остановки до летнего детского лагеря топать и топать. Но пятнадцатилетнему Лёньке в охотку лесная духмяная дорога после раскалённого городского асфальта. Он приехал к отдыхающим здесь сёстрам.

Через главные ворота с половинкой солнышка и расходящимися коваными лучами Лис не идёт. Прошмыгивает под тенистый еловый шатёр и крадется вдоль забора – там есть дыра для «избранных».

И вот ладный паренёк в свежей белой футболке пружинисто шагает по выложенной плиткой аллее – от столовой до корпусов. Смешивается с разноцветной толпой отрядных школьников – не отличить. Если бы не пакет в руке. Не ходят лагерные с пакетами.

Надя с Катей хохочут на лавочке-качалке, швыряют друг в дружку резиновый полосатый мячик: Только что вернулись после ужина.

– Это на тебя он посмотрел!

– Нет, на тебя!

Рядом пацаны играют в настольный теннис. «Пинг!» – щёлкает подача на фанерный уголок – «Понг!». Из ржавого питьевого фонтанчика журчит прозрачная струйка.

К брату сёстры не бросаются, подходят не торопясь, вальяжно, хихикают. Старшая, тринадцатилетняя Катя слегка обнимает Лёньку, поглядывает через плечо – видно ли их из окна корпуса.

– Катька врёт всем, что ты её парень из города, – шепчет Надя и опять хохочет. Катя больно лягает её под голую коленку: «Заткнись!». Надя ойкает, подпрыгивает и бежит вперёд. Надо поскорее уйти за территорию.

На высоком волжском берегу хорошо, сдувает вялых августовских комаров. Волны лижут жёлтенький песочек.

– Искупнёмся! – девчонки стаскивают через головы выцветшие полосатые футболки, сбрасывают невесомые шортики. Лис сперва отворачивается. Но у сестёр

грудь, как у мальчишек, и тонкие ножки торчат из растянутых серых трусиков. По воде растекается клубнично-абрикосовый кисель заката. Блестят полоски, совсем, как на картинке. Лёнька с разбегу вспарывает волну - во все стороны веселые брызги – плюхается – и на глубину, фарватер близко. Девочки заходят в воду осторожно, пробуют носочком:

– Теплая, как чай...

– Цветёт уже... Фу... Ты сифа! Катька – сифа! - Надя кидает в сестру шматок тины. И бежит по берегу хохоча. Катя зачерпывает тоже. Тина тянется тёмно-зелёными спутанными волосами, с неё капает мутная водица.

Но Надя уже с братом:

– Подбрось меня! С рук! Я хочу бомбочкой! – на фоне неба мелькает её загорелое скрюченное тельце с выступающими ребрами и обрушивается в воду.

В воде Катя обнимает брата за шею, ложится на воду, он поддерживает её, почти невесомую, хрупкую и улыбается. Катина коса не тонет, извивается рядом, будто золотистая змейка. Надя пыхтит, влезает Лису на плечи скользкими ногами, маленькие пальчики слегка царапают, сильно отталкивается и прыгает. Катя морщит от брызг веснушчатый, обгоревший на солнце носик.

Солнце садится в тёмное облако. Становится прохладно. На берегу сёстры набрасывают одежду, потрошат пакет, инспектируют привезённые сладости:

– О! Спасибо, что газировки привёз. Бутылка – вещь!

– И барбарисок!

– А ириски мои где?

– А шоколадных нет что ли? Ну ты чёёёё...?

– Так они ж растают на жаре... Сколько я шёл. Зато там чуток жвачек, «холодок» тоже.. – Лёнька прыгает на одной ноге, натягивает джинсы. Песок, облепляет мокрое, как стая дохлых мошек..

Надя откусывает половину карамельки, смотрит на начинку: «Ага, эти настоящие, вкусные, а не с повидлом».

– Как вам тут живётся?

Катя смотрит на рябой от волн горизонт. И Лёнька смотрит. Из джинсового кармана у него торчит сложенный пополам полтинник. Катя подколупывает купюру ноготком, тянет осторожно, тонкими пальцами. Надя болтает:

– Палаты на десять человек. Я во втором отряде, Катька - в первом, так что мы в разных корпусах... Девки есть нормальные, а есть и дуры... Раз в неделю – общая баня... Тубзик – сарай с дырками. Умывальники на улице, с утра бежишь занимать, чтобы не ждать, а то если стоять – комары заедят. Эта дурында всегда дрыхнет долго, опаздывает. А прикинь, чего? Они всей палатой записки мальчишкам пишут. Надушат листки, нацелуют помадой. Те отвечают. А воспиталка-ночнуха разносит. Парни иногда к нам в палату лазают. Иногда - мы к ним. Но надо, чтобы не запалили. Вчера мы у них одеколон «Гвоздика» пили. Такая га... – Катя дёргает Надю за мокрый хвостик и та начинает про другое. – Нам в кружки надо ходить. Мне театральный нравится, мы спектакль для королевского бала репетируем... Я играю служанку с опахалом.

– А я в рукодельный хожу, мы там феньки плетем. И на пионербол, – неожиданно вставляет Катя.

– Вечером у нас дискотека, нас парни танцевать приглашают, а потом целу...ой! Катька, блин! – Надя неловко дотягивается до спины, трёт острую лопатку.

– Мне надо ещё плойку одолжить, челку завить, – спохватывается Катя – идти пора.

– Ага! А мне девки из второй палаты обещали дать джинсовую жилетку! – хвастается Надя.

Лёньке не хочется, чтобы сестры так быстро убежали, ему нравится их болтовня.

– Если узнают, что вы за территорию ходили?

– Да всем наплевать. Родители же приезжают. Никто не спрашивается, уходят и приходят. После дискотеки

мы с пацанами идём на берег гулять, они не любят, когда помада старая, она каким-то тухлым вазелином начинает вонять – да хорош меня уже дёргать, Катька!

Катя забирает шуршащий пакет со сладостями и долго роется в кармане шорт. Протягивает брату феньку из ярких ниток:

– Вот, для тебя на рукоделии сплела. Не знаю, как цвета, понравятся ли? Подойдет?

Лис держит на ладони тугое неровное колечко:

– Ух ты, здорово! Спасибо, Катюш! Конечно, подойдёт! – прячет в карман и неловко прижимает мокрую голову сестры к своему плечу. Остаётся темное пятнышко.
– Ну, пока тогда!

Девчонки убегают наверх, в лагерь. У забора Катя останавливает Надю.

– Погодь! – достаёт из кармашка мятую сигарету и пластиковую прозрачную зажигалку. – Покурю! Тут не спалят.

– Чё ты ему втирала? Про кружок, про феньку? Откуда она у тебя, кстати? – удивилась Надя.

– Спёрла у Светки-розетки из тумбочки, – ухмыльнулась Катя и кинула окурочек на землю, туда, где копошились муравьи. – Нашему лошаре без разницы, он поверил. Погнали, а то опоздаем! Надо морду нарисовать. Может, сегодня ещё успеем в деревенский магаз.

Последний автобус давно ушёл. В небе блестят зарницы. Лис бредёт по пустынной трассе в сторону города, поворачивается на шум двигателя, вскидывает руку. Его футболка белеет в темноте. Кроссовки зарываются в песок обочины. Машины мчат мимо, торопятся домой. Никто не останавливается. И Лис снова и снова вскидывает руку. Около полуночи его подобрала компания на оранжевой убитой «копейке»... Весёлые сельские парни ехали в город, в клуб, пили пиво и болтали про сговорчивых деревенских баб.

Зияет сдвижная дверь. Внизу полосами, пятнами земля, как детская мозаика. Далеко-далеко. Шумят винты. Лис шагает в пропасть. Горит на запястье неумело сплетённая фенечка. Купол парашюта хлопает, оглушает, уносит вверх... Внизу выстрелы или померещилось со страху? Где Яшка? Ага, рядом, у него тоже раскрылся. Живём, братишка!